

Печатный орган Вятской региональной общественной организации жертв незаконных политических репрессий (ВО ЖНПР)

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРАВ РЕПРЕССИРОВАННЫХ НА ЛЬГОТЫ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫЕ ДО 01.01. 2005

Историческая справка. В целях реабилитации репрессированных в России был издан Закон РФ от 18.10.1991 №1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий», в статье 16 были установлены льготы, по преамбуле закона посылынные, т.е. незначительные – на тот период Россия переживала глубокий экономический кризис.

Президентом РФ В.В. Путиным 22.08.2004 был подписан Федеральный закон №122-ФЗ, по которому финансирование льгот репрессированным было переведено с федерального уровня на региональный. Закон был подписан, несмотря на то, что:

1. Репрессии проводились из «кремля» (по современному с федерального уровня) на местах, только, безусловно, выполнялись, поэтому финансирование льгот, как аксиома, не требующая доказательств, должно было обязательно остаться на федеральном уровне.

2. Статус репрессированного в соответствии с действующим законодательством одинаков в России на всей её территории для всех репрессированных. Это также аксиома (все репрессированные имеют одинаковые свидетельства).

Последствия введения закона №122-ФЗ с 01.01.2005 оказались негативными, если не катастрофическими для репрессированных, а именно:

1. Запись в преамбуле этого закона – **настоящий Федеральный закон принимается в целях защиты прав и свобод граждан РФ**, а также требования ч.2 статьи 153 – **условия предоставления льгот не могут быть ухудшены**, оказались фикцией. Законами субъектов РФ ряд льгот статьи 16 вышеуказанного Закона №1761-1 во многих регионах РФ оказались ликвидированы. Тем самым было также нарушено требование ч.2 статьи 55 Конституции РФ – **в РФ не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина**. В действительности власть произвела в отношении репрессированных неблагоприятное действие по порочной системе: **нарушать Конституцию РФ нельзя, но если власти очень хочется, то можно**.

2. Запись в свидетельстве репрессированного, что **свидетельство действительно на всей территории РФ** также оказалась фикцией. Так, права на льготы на репрессированного из любого одного региона России, приехавшего по делам в другой регион, перестали быть действительными.

Случайным такую акцию по отношению к репрессированным не назовёшь. Огромное количество разного рода должностных лиц в ГД, в Администрации Президента и т.д. готовило и проверяло проект закона. Поэтому эта акция могла быть толь-

ко умышленной, преднамеренной. Она оказалась ещё более циничной на фоне положения в преамбуле вышеуказанного Закона №122-ФЗ, что **настоящий федеральный закон принимается в целях защиты прав и свобод граждан РФ**, а на деле отняли часть прав на льготы. Эту акцию иначе как форменным издевательством над репрессированными не назовёшь.

В чём причина предвзятого, исключительно несправедливого отношения власти к своим репрессированным? На протяжении последних 9 лет все без исключения многочисленные обращения репрессированных к действующей власти, включая Президента РФ, об устранении нарушений действующего законодательства и Конституции РФ оставались без решения вопроса – канцелярскими отписками или без ответа. В сложившейся ситуации невозможно не остановиться на биографии уважаемого Президента РФ В.В. Путина. По книге «Путин» (автор Хатчинс К.) дед В.В. Путина со стороны отца – Спиридон Путин работал шеф-поваром у Ленина, затем – у Сталина. Отец В.В. Путина – В.С. Путин в начале ВОВ до ранения был в истребительном батальоне НКВД, сам В.В. Путин служил в КГБ. Ни один из многочисленных вопросов по льготам от репрессированных при проведении мероприятий «Вопрос к Путину» не оказался в числе заданных В. Путину. И это также не могло быть случайным явлением – вопрос от репрессированного явно не входил в сценарий вышеуказанного мероприятия. Репрессированные – это не девочки, которые желают посетить кремлёвскую ёлку или надеть новое платье, а **несколько сот тысяч ветеранов труда и частично труженики тыла**, в т.ч. 50% инвалиды. Все они незаслуженно испытали на себе зло со стороны государства. Категорию реабилитированных не только несправедливо и незаконно наказали, т.е. репрессировали репрессированных, но и своими вышеуказанными действиями власть убедительно показала, что репрессированные не входят в число граждан, которые имеют право быть услышанными действующей властью. Осуждая на словах репрессии, действующая власть в настоящее время вновь их применила на оставшихся в живых репрессированных. Действительно, **говорим одно – делаем другое**. Своим негативным отношением на данном этапе к репрессированным власть убедительно показала некую преемственность политики бывшей преступной власти к «врагам народа». Ни суд, ни прокуратура в отношении репрессированных не замечают явных нарушений действующего законодательства и Конституции РФ.

После октябрьского переворота 1917 г. страна стала жить не по законодательству, а позднее и не по

Конституции страны, а по понятиям вождей – паханов. Страна Советов в действительности представляла собой неофициальное государственное образование – паханат, **«где так вольно дышит человек»**. В действительности любой человек, сказавший одно правдивое слово относительно жизни в стране, становился клиентом органов ЧК, работавших по принципу «в одно окно». Арест, а далее расстрел или тюрьма, концлагерь. В одном из своих выступлений по ЦТ Президент РФ В. В. Путин красочно высказал отличие ЦК от ЧК: ЦК – цыкало, а ЧК – чикало. Преступная власть начикала миллионы людей. За проведённый геноцид чикальщики фактически никакого наказания не получили, а само злодеяние облеклось в слово – «ошибки». Надо же дойти до такого цинизма. Видимо, по этой причине и отказе от религии люди в Стране Советов научились хитрить, лгать – говорить одно, а делать другое, т.е. стали типичными двуличными людьми. В отношении к репрессированным Россия с 01.01.2005 проявила себя как обманная страна – мачеха. Открытые обращения, принятые единогласно участниками разрешённого митинга в г. Кирове 30 октября 2013 г. и направленные с почтовым адресом отправителя 3.11.2013 в три ветви власти: Президенту РФ, Председателям ГД и СФ ФС РФ заказными отправлениями остались без ответа. Надо полагать, власть устала писать отписки, а решать ими же созданный абсурд не желает. Основная причина нежелания самих законодателей выполнять ими же принятое законодательство. В период торжеств по случаю 20-летия Конституции РФ с экранов телевизоров передавались призывы представителей власти к гражданам России выполнять статьи Конституции РФ, а самой власти их выполнение не кажется?

Духовное завещание Александра Солженицына «Живите не по лжи» осталось так и не услышанным действующей властью.

В последние годы своей жизни выдающийся гуманист Дмитрий Сергеевич Лихачёв с печалью видел, как Россия становится страной без стыда.

До настоящего времени, несмотря на огромное количество преступлений Сталина, не совместимых с человеческой моралью, не состоялся суд над Сталиным. В Германии, несмотря на отсутствие в живых фигуранта дела, суд над Гитлером состоялся. Россия пытается жить и дальше, не очистившись от поганой скверны, заявляет о примирении. Люди, испытавшие на себе все ужасы сталинских репрессий, никогда не забудут об этом. К сожалению, наша рафинированная, фальсифицированная история страны в действительности ничему научить не может. Это подтверждают итоги

телевизионного конкурса 31.12.2008 «Имя России», в котором **выдающийся злодей всех времён и народов И. Сталин занял 3-е место**, незначительно отстав от победителя. Без суда над Сталиным вполне можно ожидать размещения в новом школьном учебнике истории страны разных мнений по восхвалению «заслуг» Сталина. **Действительно, умом Россию не понять.** Действующая власть, репрессировав репрессированных (отняв ряд льгот у репрессированных со средним возрастом 79 лет), в дальнейшем путём игнорирования многочисленных заявлений репрессированных создала видимость, что нет не только обмана репрессированных, но нет и репрессированных. **Сталинский постулат: нет человека – нет проблем** наглядно использован в России. Действующая власть по отношению к репрессированным ведёт себя по системе: собаки лают (репрессированные обращаются), а караван с действующей властью идёт. Куда идёт?

С таким циничным отношением к своей реабилитации репрессированные в России никогда не согласятся. Надеемся, что все правозащитники России и мирового сообщества обратят самое серьёзное внимание на нарушение прав человека (репрессированного) в России. Предлагается в очередной раз руководству России принять действенные меры по реабилитации репрессированных, а именно:

1. Восстановить единый статус и льготы для всех репрессированных на всей территории России на уровень до 01.01.2005. Для этого самое верное решение – возвращение финансирования льгот на федеральный уровень.

2. Приравнять репрессированных – узников советских концлагерей (таких в России крайне мало) по льготам к участникам, а при наличии инвалидности к инвалидам ВОВ.

Репрессированные в сложившейся ситуации считают, что действующая власть должна набраться мужества и принести извинения репрессированным за незаконное лишение льгот с 01.01.2005 и срочно, пока живы репрессированные, выполнить два вышеуказанных предложения.

Положение дел, когда репрессированные в течение 9 лет направляли к действующей власти просьбы – **выполнять действующее законодательство**, а в ответ отписки или молчание – нельзя назвать нормальным для любой страны, тем более для России, которая заявляет всему миру о своём демократическом развитии!!!

Редакция газеты «Память о ГУЛАГе на Вятке» в связи с технической недоработкой приносит извинения и дополняет в авторстве статьи «Плутводство российского масштаба» следующее: после слова музея – «История ГУЛАГа» Аракчеев Н.А.

Вера в лучшую жизнь за пределами Японии заставила Иосико Окаду и Риокичи Сугимото бежать. Он – переводчик, писатель, режиссер. Она – актриса немого кино и самая красивая женщина из всех, что он видел. Они молоды и талантливы. Впереди годы совместного счастья, обучение театральному мастерству у самого Мейерхольда и... ГУЛАГ.

Риокичи Сугимото был известен не только как талантливый театральный режиссер и переводчик русской литературы, но и как коммунист. Он грезил идеями великого Сталина, и на родине, в Японии, был дважды арестован за свои политические взгляды. Больше передовых коммунистических идей его волновало, пожалуй, только театральное искусство, не знающее границ совершенства. Много лет Сугимото вынашивал план побега из родной страны, чтобы учиться режиссерскому мастерству у Всеволода Мейерхольда.

Сразу после Нового года, 3 января 1938 года, Сугимото и его жена Иосико Окада по разрешению властей прибыли на русско-японскую границу. Военнослужащие были рады таким гостям: не просто агитационная бригада с песнями и плясками под неусыпным контролем конвоиров, а режиссер и актриса немого кино, самая красивая женщина Японии! Это было настоящее счастье для пограничников. Гостям выделили сани с теплой подстилкой и они поехали по свежему снегу к границе с СССР. Отъезжая подалее от контрольного пункта, Сугимото и Окада выскочили из саней и сбежали от ничего не подозревающих пограничников.

Подойдя к границе, они сняли обувь и босиком по снегу перешли черту, отделяющую Японию от СССР, старый дом от нового. Так заходят верующие в храм. Для Окады и Сугимото это действительно было своего рода паломничество на святую землю, где нет ни в чем нужды, где не преследуются люди передовых взглядов и во всем царит порядок, а не произвол. Но вскоре суровая советская действительность показала им свое настоящее лицо.

На пограничной заставе Зандас (о. Сахалин) командир отделения Григорий Сизенко первым сообщил о нарушителях Государственной границы СССР: «3 января 1938 года. Два человека перешли госграницу. Получил приказание лейтенанта взять с собой подкрепление и задерживать нарушителей. Подойдя к вышке, я услышал свисток и, дойдя до второго визирного столба, различил голоса нарушителей, которые

Театральное дело

между собой переговаривались и подавали свистки. Я крикнул: «Стой, руки вверх!» Нарушители подчинились. Японец держал в руках сапоги, а сам стоял на снегу в носках. При окрике сапоги бросил: «Мы политические. Идем к вам», – объяснил он.

На пограничном пункте Окаде и Сугимото выделили теплую комнату с печкой, поставили на довольствие и стали ждать указания из Александровска Сахалинского управления НКВД. Сугимото не переставал повторять Окаде: «Видишь, как хорошо нас встретили, накормили и скоро мы поедем в Москву. Увидим великого Сталина». Два дня молодая семья жила в домике на границе, надеясь, что в ближайшее время они окажутся в Москве и осуществят все свои давние мечты. 5 января 1938 года их конвоировали в Александровск и посадили в разные камеры. Начались допросы. Надежды угасли, мечты разбились.

Первым допрашивали Сугимото. Он сразу же сказал, что сбежал из Японии, чтобы встретиться с Мейерхольдом. Сохранились выдержки из протоколов допросов:

– Кого в Советском Союзе знаете? На встречу с кем шли? По чьему заданию?

– Мы хотим учиться в вашей стране театральному искусству. Много читали об известном режиссере Мейерхольде. Хотим у него учиться, – ответил Сугимото.

– У Мейерхольда?!

Спустя несколько дней Сугимото и Окаду спецконвоем отправили в Хабаровск, где продолжились многочасовые допросы и пытки.

21 февраля 1938 года Сугимото, осунувшегося, в разбитых очках, и Окаду, начинавшую понимать весь ужас совершенного поступка, отправили в Москву, как они и хотели. Но впереди их ждали не театральные подмостки и овации зрителей, а Лубянка и многочисленные побои. Они так и не узнали, что ехали в соседних вагонах поезда №97. Они больше никогда не видели друг друга.

В НКВД тем временем фабриковали дело на слишком неудобного, не признающего официальной идеологии Мейерхольда. Правительство давно косо смотрело в его сторону, но фактов для ареста не хватало. Внезапное появление двух «японских шпионов» оказалось очень кстати. За несколько дней из Сугимото выбили, что он «посланник японского Генштаба». Цель переброски через границу – связаться с завербованным японцами Мейерхольдом для проведения диверсионных операций. Но главное – совершить покушение на товарища Сталина, когда он придет в театр.

Следствие длилось почти полтора года. 27 сентября 1939 года на судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР Сугимото заявил, что подвергался зверским пыткам, из-

девательствам и угрозам и, не выдержав, давал заведомо ложные показания – те, которых от него требовали. Робкие надежды Сугимото на справедливость оказались напрасными. Он был приговорен к расстрелу, и вскоре приговор был приведен в исполнение.

На первых допросах Окада думала, что переводчик неверно истолковывает многие ее слова. Она снова и снова повторяла одно и то же, а следователь задавал одни и те же вопросы.

Из протоколов допросов:

– С какой целью вы перешли границу?

– Муж коммунист, переводил русскую литературу. Сейчас, с приходом в Японии к власти реакционных сил, муж, боясь репрессий, решил перейти на сторону СССР. Вместе с ним перешла и я.

– Что вас заставило бежать с Сугимото в Советский Союз?

– Любовь к Риокичи и изменения в театральном искусстве Японии, которые мне не нравились. Со слов мужа я знала, что в Советском Союзе театральное искусство очень ценят, оно отражает действительность. А я очень хотела играть на сцене СССР.

– Что вы намеревались делать в СССР? Чем заняться?

– Языка я не знаю, предполагала заняться обучением молодых людей танцам и этим первое время зарабатывать деньги.

Следователи никак не могли понять: зачем уважаемой в своей стране, известной актрисе, ни слова не понимающей по-русски, бежать в СССР? Ведь это же верная гибель!

Постепенно допросы начали принимать более жесткий тон. От руки были исписаны сотни страниц допросов и сотни страниц были отпечатаны на машинке. Внезапно в деле Окады появляется чистосердечное признание, будто она помогала мужу в его грязных антисоветских делах. Она якобы подтверждала, что они с мужем были засланы японской разведкой для выполнения специального задания.

Тем временем в деле Мейерхольда, значившемся под номером 537, появилась решающая, смертоносная страница – доказательство его предательства, неверности СССР.

Окада, простуженная и избитая, писала небольшие просьбы следователю: «...У меня теперь очень плохое здоровье. Я уже пять дней

ничего не ем. Очень прошу вас распорядиться, чтобы доктор прописал мне белый хлеб... Я очень обременяю вас просьбами, мне стыдно, но очень прошу, чтобы доктор прописал мне белого хлеба и лекарства. Дайте мне, пожалуйста, книгу и словарь».

О словаре японка просила с первых дней пребывания за пределами родной страны, но просьбы ее не были услышаны. Во многих записках Окада просила перевести ей и деньги, которые у нее были при переходе границы. 5 мая 1939 года она уже молила: «У меня очень плохо со здоровьем... Переведите мне, пожалуйста, денег. Так как я нездорова, прошу перевести мне их поскорее». На эту записку была наложена резолюция начальства: «Сегодня же вызвать ее и передать ей деньги». Но дел у следователей было и так слишком много, чтобы обратить внимание на просьбу какой-то японки.

20 августа 1939 года состоялось подготовительное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР. Дело слушалось без представителей защиты и участников обвинения в закрытом судебном заседании. Свидетели были не нужны. Председательствовал в суде армвоенюрист Ульрих. Именно он вынес смертный приговор Сугимото, а позднее Мейерхольду. Даже в НКВД Ульриха за глаза называли палачом. Практически каждое заседание заканчивалось одним и тем же словом – расстрел. Но в перепуганной японке Ульрих не разглядел врага СССР и приговорил ее только к десяти годам заключения. Мягкий приговор по сравнению со смертной казнью. В том же помещении несколькими часами раньше вынесли смертный приговор Риокичи Сугимото. Окада так никогда и не узнала, что в тот день они были совсем рядом.

26 декабря 1939 года Окаду доставили в Вятский ИТЛ. Здесь она содержалась в первом и шестом лагерных пунктах. Первое воспоминание Окады – ватник из крови и следах от пуль, который ей выдали в каптерке. Но даже лагерная одежда не могла скрыть ее красоты. «Смотрите-ка, жемчужина в навоз попала», – говорили местные мужчины. Женщины просто завистливо смотрели и отворачивались.

Окаду определили в бригаду к Петру Буинцеву на рубку и сжигание сучьев. У слабой женщины ничего не получалось, и бригадир делал все сам.

Петр попал в лагерь из-за прекреканый с преподавателем Художественного училища. Он сразу приметил красивую японку, ни слова не понимавшую по-русски. В насквозь прогнившем лагерном поселке Петр впервые почувствовал себя счастливым. Он влюбился. Он даже не подозревал, что его возлюбленная старше его почти вдвое – ей было тридцать девять лет.

Незадолго до перевода в другой поселок Окада тайком сунула в руки Петру маленький серый сверток – подарок. В нем лежало карликовое деревце, вырастить которое стоило немалых усилий. Это была их последняя встреча.

По истечении десяти лет заключения Окаду освободили и отправили в Чкаловскую область. Она не имела права уехать в Москву. С трудом устроилась работать санитаркой в местный госпиталь. Чтобы хоть как-то зарабатывать на хлеб, она выходила на рыночную площадь и торговала акварелями, которые рисовала здесь же. Их быстро раскупали.

Вскоре послали запрос о переводе Окады в Москву, в радиокomitee.

В то время в японской редакции практически отсутствовали специалисты. Перед войной многие, кто знал язык, оказались «японскими шпионами»: профессор Невский погиб в застенках Лубянки и Ленинскую премию ему присудили посмертно; академик Конрад тоже просидел в тюрьме долгие годы.

Окада стала работать диктором в Москве. Слушателей поражали ее приятный голос и образность речи.

В 1950 году из Хабаровска в радиокomitee перевели двух бывших военнопленных японцев – Акиру Сейто, который стал лучшим другом Окады, и Синторо Токигучи. За него Иосико вскоре вышла замуж. Казалось бы, наконец-то в жизни все наладилось. Но мечта о театре, несмотря на лагерь, так и не перестала быть мечтой. Окада поступила в ГИТИС на режиссерское отделение – в пятьдесят три года.

Театральная карьера Окады началась в Театре им. Маяковского. Ее очень любили. Она поставила спектакль «Украденная жизнь» по пьесе японского драматурга Каору Моримото. Постановка стала сенсацией.

В 1972 году Иосико полетела на родину. Билет ей прислал губернатор Токио г-н Минобе. На следующее утро все японские газеты вышли с сенсационными сообщениями о возвращении великой кинозвезды Иосико Окады. С тех пор она несколько раз посещала Японию, поставила там несколько спектаклей, снялась в эпизодических ролях, но все-таки не осталась.

Всю свою жизнь после лагерей Окада писала во все инстанции в надежде что-то узнать о Риокичи Сугимото. В 1959-м в исполком района, где она жила, поступила справка из Верховного суда СССР от 21 октября 1959 года за №2575/59. В ней говорилось: «Дело по обвинению Риокичи Сугимото, арестованного 3 января 1938 года, пересмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР 15 октября 1959 года. Приговор Военной коллегии от 27 сентября 1939 года в отношении Риокичи Сугимото по вновь открывшимся обстоятельствам отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления. Риокичи Сугимото реабилитирован посмер-

тно. Член Верховного суда СССР Б. Цырлянский». Тогда об этом никто не сообщил Окаде. Лишь спустя двадцать лет в скромную московскую квартиру пришел помощник прокурора г. Москвы Валентин Рябов. Он лично разыскал Окаду и рассказал ей о трагической гибели мужа.

В конце 80-х известный японский драматург Сейто Рен написал пьесу-монолог «Синяя птица», повествующую о жизни актрисы Иосико Окады. Роль Окады должна была исполнять красавица Огава Маюми. Сейто и Огава специально прилетели в Москву, чтобы показать сценарий Окаде и получить ее одобрение. Она в то время находилась в больнице.

Скончалась талантливая актриса и режиссер Иосико Окада 10 февраля 1992 года в Москве. После смерти Окады друзья обнаружили ее дневники. На одной из страниц написано: «Период Лубянки». Только заглавие, и ни одной строчки. Может, Окада намеренно оставила это «белое пятно».

АЛЕКСАНДРА КРЫСОВА

● ЛИЧНОСТЬ

Миллионам людей сталинская эпоха сломала жизнь и лишила будущего. Особенно трудно пришлось людям, воспитанным на гуманистических устоях монархии. Для них «красный террор» и его последствия обратились трагедией. Татьяна Окуневская – заслуженная артистка РСФСР и России, одна из жертв репрессий, негодная режиму прошлым родителей и собственным талантом. Тем не менее она прожила яркую жизнь, достойную внимания и памяти.

Татьяна Кирилловна Окуневская родилась 3 марта 1914 года в Подмосковье, на станции Завидово. Ее отец, Кирилл Петрович Окуневский, был царским офицером. Из университета его исключили за бунт. После революции он не допускал даже мысли о побеге за границу – не хотел скрываться. Когда объявили, что все бывшие хранители монархического режима должны прийти и отметить, он отметил, но от ареста это не спасло. Несмотря на лояльность к новой власти, Кирилл Петрович был дважды осужден, отсидел в тюрьме и был лишен гражданских прав, из-за чего не мог найти постоянную работу. Мамой Тани была Евгения Александровна. Воспитана она была в лучших традициях дореволюционной России: не получила профессии, но знала несколько языков, хорошо играла на рояле и пела.

Детство Татьяны, дочери «лишенца», нельзя назвать счастливым – прошлое родителей больно ударило по настоящему. Они старались всячески оградить дочь от трудностей, предостерегали, учили любить и понимать. Позднее отец говорил подростковой Тане: «Я клянусь тебе, казнь, что неправильно тебя воспитывал, но я не мог иначе, я верил, что человеческие ценности останутся прежними, вечными! А теперь все будет против тебя! Нельзя быть непосредственной, искренней, открытой – тебя всю изранят, нужно себя переделать, уйти в себя, не выражать никаких мыслей, чувств, эмоций, нужно быть осторожной, чувствовать беду,

не лезть с открытым забралом в бой, помнить, кто твои враги. Нужны ум, сила, выносливость, выдержка, чтобы жизнь не раздавила. Это все тебе надо постичь!»

В 1921 году семилетняя Таня пошла учиться в 24-ю трудовую школу со строительным уклоном на Новослободской улице. Уже будучи взрослой, Татьяна Кирилловна вспоминала себя-школьницу как отпетую хулиганку, которая постоянно дралась с мальчишками. Учиться будущей кинодиве пришлось недолго. В третьем классе, узнав, что ее отец воевал на стороне белогвардейцев, девочку отчислили без объяснения каких-либо причин. После этого Таню отдали в школу напротив Театра имени Константина Станиславского и Владимира Немировича-Данченко, директор которой пообещал скрыть неприятный факт происхождения девочки.

После окончания школы Татьяна с аттестатом в руках пришла в археологический институт, но принять ее отказались. Девушке ничего не оставалось, кроме как быть вольным слушателем, надеясь, что ее усердие оценят.

Судьба актрисы

Чудо действительно произошло. Но совсем не такое, какого ожидала юная семнадцатилетняя Татьяна. Однажды на улице к ней подошел молодой человек, представившийся ассистентом режиссера. Он заявил, что ослеплен ее красотой и что она – именно тот типаж, который им нужен на роль главной героини. Так Татьяна попала в кино.

Первые кинопробы оказались неудачными: оператор хотел видеть в главной роли только свою супругу и никого больше. У дебютантки не было против нее никаких шансов.

Некоторое время спустя Окуневскую снова пригласили на пробы и на этот раз утвердили. Она успешно сыграла слепую девушку, продающую фиалки. Ее заметили, и следующей ролью должна была стать шахтерка, откатчица угля в фильме «Отцы». Во время съемок Татьяна узнала, что беременна. Контракт с ней был расторгнут. В 1933 г. у них с мужем Дмитрием Варламовым родилась дочь Инга.

В жизни актрисы началась затяжная черная полоса: отношения с супругом не ладились, работы не было. В конце концов Татьяна ушла от мужа и вернулась в родительский дом, но работу так и не нашла.

В скором времени оказалось, что о ней все-таки не забыли: в дом к Окуневским снова пришли с киностудии и предложили Татьяне сниматься в фильме Михаила Ильича Ромма по рассказу Мопассана «Пышка». Затем Окуневская становится актрисой Реалистического театра. Первая роль – Наташа в спектакле Горького «Мать».

Татьяна не испытывала радости от пришедшего успеха. Она искренне не понимала, за что ее так полюбили зрители, ведь играла она либо отрицательных героинь, либо самые мелкие роли.

В 1937 году в третий раз арестовали ее отца. А вслед за ним – и бабушку. Из театра ее уволили как дочь врага народа. И опять она осталась без работы, с мамой и маленькой

дочкой на руках, и не было человека, на которого она могла бы положиться.

Не надеясь на улучшение, Татьяна решила уехать из Москвы, чтобы обратиться за помощью к одному из старых русских мастеров театра. Ей хотелось знать, настоящая ли она артистка или успех был случаен. Таких мастеров было двое: Синельников в Харькове и Соболевиков-Самарин в Горьком, знаменитые в прошлом русские артисты, теперь режиссеры и художественные руководители театров. Выбор решил просто: до Харькова денег не хватило, поехала в Горький. Соболевиков-Самарин сразу после прослушивания зачислил Татьяну в штат театра «артисткой первого положения». «Он спрятал мою трудовую книжку, оберегая меня от осложнений в связи с репрессиями», – вспоминала Татьяна Кирилловна.

В театре она отыграла два сезона. В это время произошло знакомство со вторым мужем – Борисом Горбатовым. Их брак был вынужденной мерой – Татьяне нужно было чем-то кормить старую мать и малолетнюю дочь Ингу.

Началась война. Борис ушел на фронт, а Татьяна вместе с театром была отправлена в эвакуацию в Ташкент. Там она познакомилась с Анной Ахматовой, которая приехала из блокадного Ленинграда. Там же в эвакуации находился Театр имени Ленинского комсомола. Татьяну пригласил его художественный руководитель Иван Николаевич Берсенев и предложил ей роль Роксаны в спектакле «Сирано де Бержерак». После каждого представления Татьяна не могла собрать все подаренные ей цветы. Когда зажигали в зале свет, и она выходила с Берсеневым на поклон, им долго и восторженно аплодировали.

В 1945 году Окуневская приступила к работе над фильмом «Давид Гурамишвили», где снялась в роли царевны Елизаветы Петровны, дочери Петра Первого.

Окончание на стр. 4

Окончание. Начало на стр. 3

После съемок посол Югославии предложил ей посетить страну вместе с фильмом «Ночь над Белградом», где она сыграла врача. Выезд разрешили. Все казалось Татьяне чудесным сном! Она познакомилась с самим маршалом Иосифом Броз Тито, который, как оказалось, был заочно влюблен в нее. Тогда Татьяна это казалось приятным. Домой возвращаться было тяжело. С корабля на бал – в холодный каземат. «Лучше было и не ездить в Европу, – вспоминала Татьяна, – чтобы не видеть, как могут жить люди».

Впрочем, семья не бедствовала – Горбатов получил Сталинскую премию за книгу «Непокорные», получил пятикомнатную квартиру и роскошно обставил ее. Любимой жене подарил «Мерседес». Татьяна ничего не боялась, открыто говорила о родственниках – «врагах народа» и гордилась своим происхождением.

Однажды актрису пригласили принять участие в кремлевском концерте. Заехать за ней должен был сам Берия. В назначенное время возле дома актрисы остановился черный лимузин. Татьяна вспоминала в одном из интервью: «Из машины вышел полковник и усадил меня на заднее сиденье рядом с Берией. Он был весел, игрив, достаточно некрасив, дрябло ожиревший, противный, серо-белый цвет кожи. Оказалось, мы не сразу едем в Кремль, а должны подождать в особняке, когда кончится заседание. Входим. Полковник исчез. Накрытый стол, на котором есть все, что только может прийти в голову. Я сжалась, сказала, что перед концертом не ем. Он начал есть некрасиво, жадно, руками. Пьет вино, пьянеет, говорит пошлые комплименты, какой-то Коба меня еще не видел живьем. Спрашиваю, кто такой Коба. «Ха! Вы что, не знаете, кто такой Коба? Ха! Это же Иосиф Виссарионович». Наконец в три часа ночи он объявил, что заседание «у них» закончилось, но Иосиф

Судьба актрисы

так устал, что концерт отложили. Я встала, чтобы ехать домой. Он сказал, что теперь можно выпить и если я не выпью этот бокал, он меня никуда не отпустит. Я стоя выпила. Он обнял меня за талию и стал подталкивать к двери и, противно сопя в ухо, тихо сказал, что поздно, что надо немного отдохнуть, потом он меня отвезет домой. И все, провал».

Татьяна рассказала о случившемся мужу, но что тот мог поделать? Борис бегал по комнате, что-то причитал, и в итоге ей же самой пришлось его утешать.

Не менее влиятельным ухажером актрисы был и тогдашний министр госбезопасности СССР Виктор Абакумов. Но ему не повезло: когда в гостинице «Москва» во время одного из приемов он начал

приставать к Татьяне, она вlepила ему пощечину. И он этого не простил.

После того как Сталин рассорился с Тито, руководство страны уже не считало возможным закрывать глаза на привязанность югославского посла к советской актрисе.

13 декабря 1948 года Татьяна Окуневская была арестована по приказу Абакумова. Официальное обвинение было предъявлено по статье 58, пункт 3, часть 2 – «Измена Родине в мирное время». Кроме того, ее обвинили в «шпионаже и антисоветской агитации».

13 месяцев Татьяна содержалась в одиночной камере под постоянным наблюдением. Ее избивали, мучили на непрерывающихся допросах, но она не хотела признаваться в том, чего не совершала. Тогда ей грозили арестом дочери, которой вскоре должно было исполниться 16 лет. Татьяна все подписала. 10 лет лагерей. Столько получила актриса, прославившая свою страну десятками фильмов. Даже в заключении она находила в себе силы жить, выступать, давать концерты и получать в награду в одном случае баян, в другом – свидание.

Первым в списке лагерей был Джезказган – Особый лагерь №4 (Степной ИТЛ) в Казахстане. Затем – Каргопольский ИТЛ в Архангельской области и специальный лагерь для инвалидов в Литве. Оттуда она приехала в Вятлаг в товарном вагоне. Поначалу ее определили работать на медный рудник, в лагерьный пункт №1 (поселок Полевой), но спустя некоторое время пришлось взять в руки лопату и вручную рыть канал, изготавливать кирпичи на заводе, пи-

лить и таскать сваленные деревья на лесоповале.

В 1954 году Окуневская была выпущена из лагеря на свободу. В лагерях она оставила практически все свое прошлое: и бесконечные аресты родных, и мужа, пожелавшего вычеркнуть Татьяну из своей жизни, и любовь, обретенную в заключении. Они с Алексеем познакомились в Каргополье, вместе участвовали в самодеятельности, вместе пели, вместе пытались выжить. Но их жизненные пути разошлись. Судьба Алексея сложилась трагически: освободившись через какое-то время, он умер от туберкулеза в Тарту. Там его и похоронили.

Вернувшись в Москву, Окуневская поселилась на Арбате у своей уже замужней дочери и устроилась работать в Театр Ленинского комсомола. Однако успех в профессии ей больше не улыбался – доставались только второстепенные роли. А в скором времени Окуневскую и вовсе уволили из театра.

Татьяна Кирилловна продолжила сниматься в кино, писала мемуары. Их первый том был опубликован накануне ее 85-летия. Последний ее фильм – сериал Александра Митты «Граница. Таежный роман», где она сыграла роль бабушки героини Ренаты Литвиновой.

Татьяна Окуневская умерла 15 мая 2002 года в возрасте 88 лет и была похоронена на Ваганьковском кладбище в Москве. О Татьяне Окуневской был снят документальный фильм «Судьба актрисы».

Встав на путь искусства, Татьяна Кирилловна не сходила с него до самого конца, верила в будущее и невероятно красиво играла самую главную роль – себя. В наследство будущим поколениям она оставила множество фильмов и воспоминаний, изложенных в книге «Татьянин день». Что ж, будем помнить.

АЛЕКСАНДРА КРЫСОВА

● ИЗ ИСТОРИИ

30 августа 1918 г. Фанни Каплан выстрелами из револьвера пыталась убить В.И. Ленина, считая его предателем революции. Из доказательств имелось только присутствие 28-летней Каплан на митинге, проходившем в Замоскворечье на территории завода Михельсона, и её собственное признание.

Тёмная эта история – покушение на Ленина. Общеизвестно, что Каплан была полуслепой из-за ранения, полученного от взрыва самодельной бомбы в дни её бурной революционной деятельности: она видела лишь слабые силуэты предметов. К тому же из тела Ленина извлекли не одну, а две пули, и были они разного калибра. Трудно понять, что же на самом деле произошло.

О дальнейших событиях рассказывает первый комендант Кремля Павел Дмитриевич Мальков. «...Меня вызвал Варлам Александрович Аванесов (ближайший помощник Я.М. Свердлова): «Немедленно поезжай в ЧК и забери Каплан. Поместишь её здесь, в Кремле, под надёжной охраной». Я вызвал машину и поехал на Лубянку.

Начало Красного террора

Забрал Каплан, привёз её в Кремль и посадил в полуподвальное помещение под детской половиной Большого дворца...»

Прошёл ещё день-два, продолжает свой рассказ комендант Кремля, вновь вызвал меня Аванесов и предъявил постановление ВЧК: Каплан – расстрелять, приговор привести в исполнение коменданту Кремля Малькову... «Когда?» – коротко спросил я у Аванесова. – «Сегодня. Немедленно. И минуту помолчал: – Где думаешь лучше?» Мгновенно поразмыслив, я ответил: «Пожалуй, во дворе авто-боевого отряда, в тупике. Согласен? Где закопать?» Аванесов задумался: «Это мы не предусмотрели. Надо спросить Якова Михайловича». Спросили Свердлова, он сказал: «Хоронить Каплан не будем. Останки уничтожить без следа...» Через несколько минут я уже вводил Каплан во двор автобоевого отряда. Судорожно передернув плечами, Фанни Каплан сделала один шаг, другой... Я поднял пистолет... Было 4 ча-

са дня 3 сентября 1918 года. Возмездие свершилось. Приговор был исполнен. Исполнил его я, член партии большевиков, матрос Балтийского флота, комендант Московского Кремля Павел Дмитриевич Мальков собственноручно. Запихнув застреленную женщину в железную бочку, доблестный комендант облил тело керосином и поджёг. Краткое сообщение о расстреле Каплан было напечатано на следующий день, 4 сентября, в «Известиях». А спустя ещё день, 5 сентября, в стране торжественно был объявлен **Красный террор**. Несомненно! То был первый случай санкционированного властями сожжения останков после расстрела. Эту поспешную акцию с некоторой натяжкой можно назвать первой советской «кремацией»... 26 января 1919 г. был принят декрет, подписанный председателем Петросовета Г.Е. Зиновьевым, об учреждении при Комиссариате внутренних дел комиссии по составлению проектов государственных крематориев в первую очередь в Петрограде.

В 1920 году журнал «Революция и церковь» объявил конкурс на проект в республике крематория под лозунгом: «Крематорий – кафедра безбожия». Комиссия кощунственно наметила для постройки этой самой «кафедры» участок земли на территории Александроневской лавры.

В Москве под крематорий был передан Серафимовский храм Донского монастыря. Были ликвидированы величественные расписные фарфоровые иконостасы и киоты, украшавшие храм. Середина 1930-х годов ознаменовалась большими переменами в жизнедеятельности 1-го московского крематория. С началом массовых репрессий крематорий сделался в нашей стране предметом прямо таки первой необходимости. На первом плане вышла необходимость – тела расстрелянных и замученных на допросах должны были немедленно бесследно исчезнуть. Тут-то и понадобилась «Кафедра безбожия» – бывший храм с кремационными печами немецкого производства. (Из книги Л. Головкиной «Где ты» М: Возвращение. 2013 г.).